

Василий Иванович Немирович-Данченко

Нина за работой

(Очерки жизни и войны в Дагестане. Часть #2)

Немирович-Данченко Василий Иванович — известный писатель, сын малоросса и армянки. Родился в 1848 г.; детство провел в походной обстановке в Дагестане и Грузии; учился в Александровском кадетском корпусе в Москве. В конце 1860-х и начале 1870-х годов жил на побережье Белого моря и Ледовитого океана, которое описал в ряде талантливых очерков, появившихся в «Отечественных Записках» и «Вестнике Европы» и вышедших затем отдельными изданиями («За Северным полярным кругом», «Беломоры и Соловки», «У океана», «Лапландия и лапландцы», «На просторе»). Из них особое внимание обратили на себя «Соловки», как заманчивое, крайне идеализированное изображение своеобразной религиозно-промышленной общины. Позже Немирович-Данченко, ведя жизнь туриста, издал целый ряд путевых очерков, посвященных как отдельным местностям России («Даль» — поездка по югу, «В гостях» — поездка по Кавказу, «Крестьянское царство» — описание своеобразного быта Валаама,

«Кама и Урал»), так и иностранным государствам («По Германии и Голландии», «Очерки Испании» и др.). Во всех этих очерках он является увлекательным рассказчиком, дающим блестящие описания природы и яркие характеристики нравов. Всего более способствовали известности Немировича-Данченко его хотя и не всегда точные, но колоритные корреспонденции, которые он посылал в «Новое Время» с театра войны

1877 — 78 годов (отд. изд. в переработанном виде, с восстановлением выброшенных военной цензурой мест, под заглавием «Год войны»). Очень читались также его часто смелообличительные корреспонденции из Маньчжурии в японскую войну 1904–1905 годов, печат. в «Русском Слове». Немирович-Данченко принимал личное участие в делах на Шипке и под Плевной, в зимнем переходе через Балканы и получил солдатский Георгиевский крест. Военные впечатления турецкой кампании дали Немировичу-Данченко материал для биографии Скобелева и для романов: «Гроза» (1880), «Плевна и Шипка» (1881), «Вперед» (1883). Эти романы, как и позднейшие романы и очерки: «Цари биржи» (1886), «Кулисы» (1886), «Монах» (1889), «Семья богатырей» (1890), «Под звон колоколов» (1896), «Волчья съть» (1897), «Братские могилы» (1907), «Бодрые, смелые, сильные. Из летописей освободительного движения» (1907), «Вечная память! Из летописей освободительного движения» (1907) и др. — отличаются интересной фабулой, блеском изложения, но пылкое воображение иногда приводит автора к рискованным эффектам и недостаточному правдоподобию. Гораздо выдержаннее в художественном отношении мелкие рассказы Немировича-Данченко из народного и военного быта, вышедшие отдельными сборниками: «Незаметные герои» (1889), «Святочные рассказы» (1890) и др.; они правдивы и задушевные. Его эффектные по фактуре стихотворения изданы отдельно в Санкт-Петербурге (1882 и 1902). Многие произведения Немировича-Данченко переведены на разные европейские языки. «Избранные стихотворения» Немировича-Данченко изданы московским комитетом грамотности (1895) для народного чтения. В 1911 г. товариществом «Просвещение» предпринято издание сочинений Немировича-Данченко (вышло 16 т.). Часть его сочинений дана в виде приложения к журналу

«Природы и Люди».

Василий Иванович многие годы путешествовал. В годы русско-турецкой, русско-японской и 1-й мировой войн работал военным корреспондентом. Награжден Георгиевским крестом за личное участие в боях под Плевной. Эмигрировал в 1921 году. Умер в Чехословакии.

**Василий Иванович
Немирович-Данченко
Нина за работой**

Всё время, пока лезгины на другой день после боя убирали раненых, наши солдатики заводили добродушную беседу с горцами, понимавшими и не понимавшими по-русски...

— Эй, азия! — кричал какой-нибудь весёлый малый сверху. — Гололобый... Как тебя?..

— Ахмед... Здорово, бояр. Якши-ол... Хады сюда, — джигит будешь...

— А ты, джигит, портки-то себе спервоначалу почини...

Лезгин тарашил глаза, вдумывался в услышанное и, не поняв, решительно отвечал:

— Аллах Сахласын. Аллах — одна есть... Тебя, Иван, одна Аллах, — моя, Ахмед, одна Аллах...

— Значит, два выходит?..

— Иок. Нет, два... Одна есть... — потом, задумываясь, что бы ещё сказать по-русски, лезгин оканчивал. — Урус водка гюссуну яхши... Лезгин — айран чох-олсун... Буза чох яхши. [1]

— Ишь азият... А насчёт водки, братцы, какое понятие имеет...

— Иди сюда, — мы тебе поднесём! — показывали они на ворота.

Лезгин качал головой снизу вверх, выра-

жая отрицание, потом показывал себе на шею и ребром ладони поводил по ней.

— Ты думаешь, зарежем?.. О, дура! Когда же это православное христоролюбивое воинство гостей резало!..

Горец опять вдумывался и, сообразив, что его не поняли, опять показывал на ворота крепости, потом пальцами как будто клал себе в рот нечто (вы-де накормите), подставлял горсть и пил из неё (и напоите-де тоже)... Потом подобрал полы ободранной чухи, делал вид, что он бежит к себе, выкрикивал «Шамиль» и опять повторял жест, из коего было видно, что «у вас-де — может быть, и отлично будет, да вернусь, домой, — мне голову отрежут»...

— Строго... значит! — решили про себя солдаты.

— Ну, старайся, старайся... коли так! Гололобый!

В одну из таких бесед к крепости подъехал Хатхуа.

Кнауэс был в это время наверху.

— Здравствуй, офицер! Узнал меня? — крикнул ему кабардинский князь.

— Здравствуй, Хатхуа!

— Мы любим храбрых людей... Надеюсь ещё встретиться с тобою в битве...

— Разве тебе жить надоело? — спокойно спросил его Кнауус и посторонился.

Рядом с ним усталая показалась Нина. Она всё время возилась в больнице, ухаживая за ранеными... Доктор её прогнал, наконец:

— Вы уморить себя хотите... Вы, барышня, вот что, хоть на часок уйдите отсюда. Теперь чеченцы и лезгины своих убирают, вы бы посмотрели...

Крепостные лазареты того времени не походили на нынешние как кавказская старая крепость — на современные нам гигантские оборонительные сооружения. В тридцатых и сороковых годах брали более уходом, чем медициной, надеялись на природу и на милость Божью, да, пожалуй, ещё на хинин. Хинин в горах и в Грузии истреблялся в невероятных количествах, других же лекарств часто и не знали. Медиков-специалистов почти не было: один и тот же мундирный эскулап и ногу резал, и глаз пользовал. Так и в Самурском укреплении — старый врач вместе с Ниной,

ничесо же сомняшеся, ходили себе за больными и ранеными. Пичкали первых хиной и касторкой, вторым накладывали корпию и перевязки, а во всём прочем предоставляли Провидению заботиться о своих младенцах. И действительно, надо сказать правду. Народ ли был крепче, или небо больше, чем теперь, принимало участия по вере его, только выздоравливающих была масса, а умирало немного. Кладбища вокруг этих обведённых стенами гнёзд, — оказывались крайне незначительными, и с постелей больниц здоровыми и невредимыми подымались такие, которым теперь пришлось бы несомненно, лёжа в гробах, выслушивать «надгробное рыдание» и вечную намять. Нина проводила здесь целые дни. Она почти не бывала дома, и Степан Фёдорович нисколько не мешал ей, считая госпитальное дело бабьим. Он по вечерам выслушивал от неё отчёт обо всех этих раненых и больных воинах и задумчиво гладил её по голове, и ему казалось, что в эти минуты перед ним — не дочь его, а её мать. Та бы делала тоже самое. По ночам Нина не раз подымалась и уходила в госпиталь посмотреть, всё

ли там в порядке, не спят ли фельдшера, довольно ли у лежащих воды, не проснулся ли кто, и не пора ли переменить ему перевязку. Она теперь уже не краснела, когда солдат, поднимая на неё восторженный взгляд, шептал тихо-тихо, точно себе самому: «Ангел ты наш светлый, — пропадать бы без тебя!» Она спокойно оканчивала дело и шла к следующему. Когда досуг позволял, она писала письма в разные пермские, вологодские, пензенские и симбирские деревни, где у каждого из этих бедняков оставались дорогие и милые люди. Незанятая службой мысль больного вся уходила в бездорожья и захолустья страшно далёкой отсюда России, и для него, действительно, было величайшим утешением получить оттуда и дать туда о себе весточку. Нина знала, что всё равно теперь этих писем не отошлют, что почта не пойдёт раньше, чем уйдут горцы, но многие из этих здесь могли умереть, а во-вторых, когда она читала им их же письма — какая светлая улыбка ложилась на их лица, как радостно и покойно дышали их измученные груди. Она готова была бы писать им без конца, лишь бы они хоть на

несколько минут забывались в волшебном и кротком мире милых воспоминаний. Между делом «служивые», не церемонясь, рассказывали ей о дядях Петрах, Сидорах, тётках Матрёнах, Марьях, и мало-помалу перед вчерашнею институткою открывался совершенно новый, не подозревавшийся ею мир. Ей казалось уже, что это жалкое каменное гнездо, затерянная в кавказской глуши крепостца — составляет чуть ли не центр для целого мира, столько самых дальних интересов было связано с нею, столькими бесчисленными нитями она сообщалась чуть ли не со всею Россией... И все эти Сидоры и Матрёны вдруг делались для неё близкими и живыми людьми. Она знала, как должно на них подействовать написанное ею послание, рисовала себе, как они будут читать его со слезами, с неудержимым волнением — в волостных конторах или у управляющих имениями, — и в каком ярком героическом ореоле простым сердцам и искренним душам станет являться вот этот самый невидный Иван Сергеев, что лежит теперь с перебитой ногой, — и сам не понимает своего действительного величия.

Любившая прежде солдата какою-то отвлечённою любовью только потому, что сама была добра, Нина теперь полюбила его как живое определённое лицо. Она близко узнала его, а в нём — и весь народ, к которому принадлежала по отцу. Узнала с его самоотречением, смирением, преданностью, с его детскою, чистою верою, с его всепрощением, с глубиною кротостью... И сегодня, сойдя со стен осаждённой крепости, она долго оставалась в лазарете.

— Матушка... Ангел! — слышалось ей навстречу...

Ей самой хотелось плакать, но она уже выучилась сдерживаться и с ясным выражением в глазах подходила к ним и говорила с ними. Она принуждала себя быть весёлой, и это удавалось ей... Вместе с её голосом надежда проникала в измученные сердца, так что, когда у раненого в грудь навывлет, уже обречённого смерти старика Сидорова, вырвалось навивно и просто:

— Голубушка, с тобой Сам Христос сходит к нам! — все подумали тоже самое, и один из них издали перекрестил её уже слабеющею

рукою...

Чтобы совладать со своим волнением, она подошла к окну и отодвинула его зелёную занавеску, но то, что представилось ей там, ещё сильнее наполняло её сердце тоскою и печалью... Зарывать на кладбище вне крепости нельзя было теперь, и вот на залитой солнцем площадке уже зияла под старой чинарой глубокая яма... Точно жадно раскрытая пасть она ждала чего-то, какой-то жертвы, которую на веки вечные ей предстояло проглотить, чтобы никому уже не выдавать её более... И действительно, показалось четверо солдат, нёсших простой гроб, перед ними с кадилом в руках шёл священник той же бодрою поступью, каким она его помнила в ночь боя на стенах укрепления... Слабый напев «надгробного рыдания» донёсся было сюда; но Нина скорее опустила занавеску, боясь, чтобы больные и раненые не увидели того же. Она пытливо взглянула на их лица, но каждый из них в эту минуту был занят собственным горем и знать не хотел чужого.

— Ну, Архип, как ты сегодня? — подошла она к ближайшему.

— Горрит... Горрит... — хрипло проговорил тот, остановясь на ней воспалённым взглядом.

— Где горит? — и она положила ему на горячий лоб свою красивую, маленькую руку.

Солдат мало-помалу стал успокаиваться. Глаза его приняли сознательное выражение...

— Где горит?..

— В груди... Испить бы...

Нина взяла кружку, выжала туда лимон, налила воды, приподняла одной рукой голову раненого, а другою поднесла к его губам питьё. Он жадно припал к нему... Пот выступал у него на лбу...

— Буде... — отвалился он. — Спасибо... Дай тебе Бог, что солдату послужить пришла...

Глаза его стали смыкаться... Нина подоткнула вокруг постели сбившееся одеяло, удобнее положила его голову и села рядом. Через несколько минут раненый задышал ровно и спокойно... Она ещё подождала, пока издали не послышалось:

— Барышня! Нина Степановна!..

— Что тебе, Спиридон?..

— Присохло... страшно жжёт...

Этот был ранен шашкою в плечо...

— Что ж, тебе разве не делали перевязки сегодня?

— Нет ещё... Доктору неколи было... Всё с трудными занимался... А я-то ведь лёгкий! — и он радостно улыбался этому слову «лёгкий», хоть лезгинская шашка прорубила ему тело до самой кости. — Коли бы не лихорадка, я бы на ногах ходил! — утешал он сам себя...

— Да, да, — у тебя пустяки... Так... Ты скоро совсем здоров будешь.

— Я знаю...

Она умелою рукою сняла бинт и стала отмачивать корпию тепловатою водою... Ниточка за ниточкой она отделяла её от раны, так что солдат чувствовал не боль уже в ней, а что-то, веявшее на неё свежестью и лёгкою прохладою...

— Дай тебе Бог, родная, — тихо говорил он Нине. — Дай тебе Милосливый!..

Сняв корпию, она осторожно и терпеливо промыла прорез и тихо-тихо положила на него новую корпию...

— Теперь страсть хорошо! — весело уже проговорил тот...

— Ну, выздоравливай, выздоравливай!..

Нина сама не понимала, откуда у неё взялось всё это. В душу и в руки женщине, действительно, Сам Бог влагает умение служить больному и доброту, заставляющую её забывать всё ради этой святой цели. Она не чувствовала отвращения, промывая гноившиеся раны, она, не стесняясь, помогала доктору в тяжёлых ампутациях, даже не замечая, она дышала смрадным воздухом. Облегчить чужие страдания, сделать для всех несчастных сносными их муки, вот куда она шла упорно, не уклоняясь с пути. И то, к чему мужчина должен был бы привыкать целыми месяцами, годами работы, — ей далось разом, точно она родилась с этим знанием, с навыком, с этой кротостью и терпением... Она даже не плакала здесь, — она отводила душу у себя дома. Она знала, что мученикам-солдатам нужна была её ободряющая улыбка, её серебристый, чистый смех, голос, полный бодрости... Им нужна была надежда и уверенность, и она давала им и ту, и другую... Она находила в душе чисто мужскую твёрдость и силу. Потом, ночью, у себя, она давала волю нервам и ры-

дала в постели, вспоминая страдания, виденные ею днём... Теперь уже и отношения к ней в крепости изменились. Когда Кнауус, или фон Кнауус, заговорил было о том, что хорошо было бы после жениться на Нине и увезти её на одну из его остзейских мыз, Незамай-Козёл угрюмо перебил его:

— Молчи, немчура!..

— Отчего?.. Я с самыми благороднейшими намерениями... Вижу прекраснейшую девицу и...

— Молчи, тебе говорят! Потому что она не для нас с тобою.

— А для кого же? — делал тот большие глаза, поднимая свои белесые ресницы.

— Для Бога... Она святая!.. Разве она женщина, — ты на неё посмотри...

— На неё молиться надо! — подтверждал и Роговой. — Стать на колени и молиться...

— Я всегда готов стоять на коленях перед благороднейшею девицею!.. — упорствовал на своём немец.

Но тут уже Незамай-Козёл выходил из себя.

— Кабы ты не был так глуп, Кнауус...

— Может быть, я глуп на русском языке!.. — резонно соглашался молодой офицер, — но по-немецки, если бы вы могли со мной разговаривать, — я бы умнее вас оказался... Мои предки, тевтонские рыцари, говорили...

Те только отмахивались от него... Да им, впрочем, и некогда было. То и дело приходилось выходить на башню и оттуда следить за движениями неприятеля...

А следить стоило.

Степан Фёдорович всё делался озабоченнее и озабоченнее. Он стоял на углу большой и круглой вышки, оттуда неотступно смотрел в глубь ущелий, окружавших Самурскую долину, на скаты гор, млевших под солнцем. Смотрел и видел, как по этим скатам точно ползут вниз тени от тучек, только эти тени не пропадали, а внизу определялись резче и яснее, и уже стройными дружинами сходили в долину. Из глубины ущелий туманным маревом показывались такие же и, заполняя их, выливались сюда целыми реками новых ополчений... Гул неприятельских биваков был уже очень шумен и с каждым днём делался ещё

стихийнее... Тысячи голосов присоединялись к тем, которые здесь уже были, ржание лошадей усиливалось тоже... Скоро лучи солнца стали играть на целом море ярких доспехов и пёстрых одежд, и Брызгалов понял, что это значит.

— Ну, братец мой, — обратился он к Незамай-Козлу, — дела неважны...

— А что?

— Кабарда пришла к ним... Надо на днях ждать решительного боя.

— Что ж, пуцай с чёртом целуются... Накладём им как и в прошлый раз...

Брызгалов ничего не ответил на это и только озабоченно стал смотреть в противоположную сторону, на восток. Он хорошо понимал, что все они здесь сумеют умереть, что никто из его офицеров и солдат не испугается смерти, но дело было в том, чтобы спасти крепость, отстоять её, а не в подвигах личного геройства!.. И кроме того, — Нина! — И он ещё пристальнее вглядывался на восток, не покажется ли оттуда помощь... Но там всё по-прежнему было залито ярким блеском солнца, и горы стояли пустынные и безлюдные, и

ущелья между ними мерещились, окутанные синими тенями... Веяло порою дыханием моря... Но вместе с ним — на крылах ветерка не долетал сюда ни один звук, который бы исполнил надежды душу старого коменданта.

И он, ещё грознее и мрачнее сдвинув седые брови, уходил к себе вниз.

1902

Примечания

1

У русских водка отличная, у лезгин айран и буза тоже очень хороши.

[^^^]